Землянка для звездного принца

Автор:
Алина Углицкая

Землянка для звездного принца

Алина Углицкая

Каково это – попасть в далекое будущее, где люди успели покорить космос, заселить другие галактики и даже мутировать? Оказаться в чужом теле и узнать, что теперь ты – особо ценный объект. Но и это еще не все! Так уж получилось, что редкий дар, больше похожий на проклятие, отметил тебя, вернее, ту, кем ты стала. И теперь именно тебе придется ломать голову над тем, что с ним делать. А заодно разбираться с навязанным женихом, тайным обществом инопланетных убийц и собственным сердцем. В оформлении обожки использованы фото с сайта depositphotos, дизайнер Рябова Анастасия

Пролог

Все нормальные попаданки отправляются в прошлое. Только мне «повезло» загреметь в далекое будущее. Видно, я много грешила. Но обо всем по порядку.

Итак, вечер был тих и прохладен, ничто не предвещало беды…

– Ну, здравствуй, одиночество, – хмыкнула я, чокаясь с зеркалом, а потом зажмурилась и одним махом опрокинула в себя рюмку водки.

Хмельной напиток обжигающей дорожкой скользнул по пищеводу, заставив навернуться слезы на глаза. Я коротко выдохнула и посмотрела на свое отражение.

Роскошная брюнетка тридцати пяти лет. Рост, вес – в пределах нормы. С лицом тоже все в порядке. Умница, спортсменка и практически комсомолка – хозяйка собственной парикмахерской, гордо именуемой салоном красоты. На фоне многих сверстниц выгляжу, как конфетка – и чего этим мужикам нужно?

Мой скромный бизнес приносит небольшой, но стабильный доход. Плюс собственная жилплощадь в новостройке. Как по мне, я вполне завидная невеста, несмотря на возраст.

Но два дня назад к молоденькой секретарше ушел мой последний шанс на счастье в личной жизни. А ведь я, как дура, каждый день вставала в шесть утра и вареники лепила с сыром, его любимые, ломая дорогущий маникюр! Борщ варила по рецепту его мамочки и стрелки ему на брюках наглаживала. Даже галстуки завязывать научилась пятью способами ради этого козла! И все ждала, когда он меня в ЗАГС позовет.

А биологические часики незаметно тикали, намекая, что давно уже пора…

И вот позавчера он ушел… А сегодня мой день рождения, и мне – ни много, ни мало – целых тридцать пять лет!

Я плеснула в рюмку окаянной, проглотила, немного поморщившись, и закусила малосольным огурцом. Огурцы эти, кстати, тоже солились по рецепту будущей свекрови. Я ведь так хотела ей понравиться!

Ходики на стене отбивали минуты. Я сидела в кухне за столом, а рядом на холодильнике стоял маленький телевизор. Сквозь шипение и помехи на экране можно было уловить, что идет очередной выпуск какой-то мистической телепередачи. Последнее время эти гадалки, ведуньи и экстрасенсы буквально заполонили СМИ. И все, как одна, обещают долгую дорогу, червового короля и казенный дом.

Мне дороги и казенного дома не надо. А вот от червового короля я бы не отказалась, пусть даже самого захудалого королишки, лишь бы мой был и навсегда. И чтобы никакая мочалка в мини-юбке не смогла его увести!

От избытка эмоций я грохнула кулаком по столу так, что подпрыгнули тарелки с закуской и почти пустая бутылка. Потом достала из пачки сигарету и закурила,

глубоко затягиваясь дымом. Вообще-то, я не курящая, но тут захотелось. Даже в магазин идти не пришлось: в кухне на подоконнике осталась валяться забытая Олегом пачка "Прилук". А что еще остается одинокой женщине бальзаковского возраста? Только выпить и закурить.

– Но каждый человек имеет возможность осуществить свое желание, если будет искренне верить, что оно сбудется, – прорвался сквозь помехи женский голос, усиленный спецэффектами. Экран посветлел и на нем возникла картинка. – Надо всего лишь сконцентрироваться на том, чего вы хотите. Будь это деньги, карьера или счастье в личной жизни – для Мироздания ничего невозможного нет.

Да уж. Счастья в личной жизни мне как раз не хватало.

– Для того чтобы привлечь удачу, за несколько минут до полуночи возьмите чистый лист бумаги и напишите на нем свою самую заветную мечту, – вещала потусторонним голосом пышногрудая блондинка на экране. Ее волосы лежали на плечах живописной волной, заботливо уложенной стилистом проекта, а глаза были так густо подведены черным карандашом, что, казалось, занимали половину лица.

– Потом идите на пустынный перекресток и подожгите эту записку. На вашей ладони должна остаться лишь горстка пепла. Этот пепел развейте по ветру, произнося заговор, который я продиктую в конце. С последними словами заговора закройте глаза, три раза повернитесь вокруг себя, а потом идите прямо, никуда не сворачивая. Это будет дорога, ведущая вас к удаче. Но главное, ни за что не оборачивайтесь, иначе рискуете навлечь на себя различные беды. Дорога, ведущая к удаче, может привести вас к несчастью!

Я скептично хмыкнула и затушила окурок прямо в тарелке с огурцами.

«Интересно, и как она это себе представляет? – мелькнула в пьяном мозгу трезвая мысль. – Как сжечь записку так, чтобы пепел остался в руках, но при этом не обжечься? Понятное дело, нарочно усложняют задание, нагоняют таинственности. А с другой стороны, – я вздохнула и подперла щеку рукой. Навалилась тоска. – Разве дорога к счастью не стоит нескольких волдырей? Может быть, небольшая боль – это всего лишь плата за возможность поймать удачу? Только вряд ли все это правда, просто очередной развод для лохов».

Я не верила в гадания и спиритизм, не верила в духов, привидений и домовых, да и вообще привыкла во всем полагаться только на себя, а не на помощь Свыше. Но сейчас…

Сейчас я невольно прислушалась, когда диктор начала зачитывать сам заговор. Он оказался маленьким четверостишьем, которое моментально врезалось в память.

Я посмотрела на часы. Стрелки показывали без четверти полночь. Ну а что, чем черт не шутит? Хуже ведь уже быть не может, если я докатилась до того, что собственный день рождения отмечаю с зеркалом!

Кряхтя, слезла со стула и нетвердой походкой отправилась искать листок и ручку. Нашла, села за стол и задумалась. Оказалось, что сформулировать заветное желание не так уж и просто, ведь хотелось многого, а загадать можно было только что-то одно.

Время истекало. Несколько секунд я грызла ручку, лихорадочно пытаясь придумать правильный запрос Мирозданию, а потом быстренько нацарапала на бумаге: "Хочу встретить свою половинку! Мужчину, который будет любить только меня несмотря ни на что, пусть даже вокруг будут виться другие, в тысячу раз моложе и красивее!!!"

Поставила в конце три жирных восклицательных знака и ринулась к выходу из квартиры.

До полуночи оставалось меньше десяти минут.

Двор многоэтажки встретил меня ночной прохладой и тусклым светом электрических фонарей. Ближайший перекресток ждал за углом. Подбежав к пересечению двух асфальтированных дорог, я мельком глянула на часы на запястье. Их стрелки неотвратимо приближались к двенадцати. Потом достала из кармана джинсов дешевую одноразовую зажигалку, которая тоже осталась от бывшего кавалера, и подожгла записку.

Она вспыхнула оранжевым пламенем. Несколько секунд я перекидывала ее из руки в руку, пока в моих ладонях не осталась лежать требуемая кучка пепла. Кожа на пальцах слегка пострадала, но я уже не обращала внимания. Я

готовилась произнести заговор.

Из груди вырвался глупый смешок. "Представляю, как я выгляжу со стороны". Но слова заговора уже сами лились с моего языка неудержимым потоком:

Как ветер веет и пепел несет,

Как луна светит на перекрестке дорог,

Так я обращаюсь к тебе, Мирозданье:

Услышь и исполни заветное желанье!

Зажмурившись, три раза обернулась вокруг себя, а потом шагнула наудачу.

Визг тормозов и яркий свет, озаривший ночную улицу, вынудили испуганно распахнуть глаза. Я стояла посреди перекрестка, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой, а ко мне на всех парах приближалась огромная фура. Водитель отчаянно сигналил, но я застыла, как статуя, ослепленная светом фар.

Время замерло, секунды растянулись в бесконечность. Я словно смотрела тупой малобюджетный триллер по кабельному ТВ.

"Вот и все, – мелькнуло в голове, когда восьмиколесный монстр надвинулся на меня, заслоняя весь мир. – Кому поверила? Экстрасенсам!"

И тут же сильный удар в бок заставил буквально вылететь из-под колес за секунду до столкновения.

Последнее, что я помню – это резкую боль в районе затылка и ослепительный синий свет, ударивший по глазам. А потом все погрузилось во тьму.

Глава 1

Сознание возвращалось постепенно, но вместе с ним возвращалась и боль. В голове гудел тревожный набат, в висках стучали маленькие молоточки. Горло пересохло, губы потрескались и саднили, а язык распух и казался чужим. Открыв глаза, я попыталась встать, но сразу же упала назад. Меня накрыл приступ головокружения и тошноты. Перед глазами замелькали разноцветные точки, сливаясь в сплошные полосы и спирали.

– Лирра, не двигайтесь, – раздался над головой хрипловатый мужской голос, – вы сильно пострадали в катастрофе, вас чудом спасли.

Из всех языков мира я досконально знала только один – русский, но могла на слух различить французский, немецкий и английский. Тот, что сейчас прозвучал надо мной, оказался абсолютно не похожим ни на один из вышеперечисленных, а между тем я прекрасно поняла то, что услышала. Меня назвали лирра – незамужняя.

Чьи-то руки укрыли меня одеялом по самый подбородок, и я поняла, что лежу на кровати. Смутно припомнилась дурацкая попытка сделать заговор на желание.

– Так меня все-таки сбила машина? – выдала я, с трудом ворочая языком, и осеклась: собственный голос показался мне чужим, как и произнесенные слова. – Сколько я уже в больнице?

– Не знаю, что такое машина, – сухая ладонь легла на мой лоб, будто проверяя температуру. Потом пальцы незнакомца оттянули правое веко, и мне в глаз ударил яркий луч света. – Вас доставили на филлере спасательной бригады две недели назад. Все это время мы собирали вас буквально по частям. Пришлось даже подключить нанобокс. То, что вы остались живы – настоящее чудо!

Я пыталась сообразить, что означают эти слова. Какие-то филлеры, нанобоксы… и – о, Господи! – я здесь уже две недели!

Оттолкнув державшую меня руку, резко села в постели. Рефлекторно сглотнула, сдерживая рвотный позыв, и вытаращилась на того, кто стоял рядом со мной. Потом зажмурилась, сосчитала до десяти и осторожно приоткрыла один глаз.

Но нет, это чудо никуда не исчезло: передо мной стоял и укоризненно смотрел на меня высокий, не меньше двух метров, худощавый мужчина в серебристо-сером комбинезоне с зелеными нашивками на предплечьях. И все бы хорошо, только раскосые глаза пересекал узкий продольный зрачок, похожий на тонкую щель, перечеркнувшую желтую радужку. Темно-синие волосы на макушке торчали ежиком, виски были тщательно выбриты, а заостренные уши украшали несколько десятков тоненьких золотых колечек. По щекам незнакомца, там, где у нормальных мужчин темнели бакенбарды, спускались вниз две дорожки серебристых чешуек. А кожа у него была странного пепельно-голубого оттенка.

– Так вот ты какая… моя белка, – сглотнув, прошептала я.

"Водка была паленой…" – мелькнула в голове нервная мысль.

– Вообще-то я ваш лечащий врач, лирра, – чешуйчатый мужчина скептично хмыкнул. – Лежите, вам нельзя вставать. Можете называть меня лейр Нурран. Что вы помните?

«Лейр – так обращаются к мужчинам», – машинально отметила про себя.

Я легла, не переставая сверлить это чудо ошарашенным взглядом. Захотелось немедленно себя ущипнуть, что я и сделала, не вытаскивая рук из-под одеяла. Боль оказалась вполне реальной. Кажется, я не сплю.

– Ничего из того, о чем вы рассказали, – глупо хихикнула, а потом высказала робкое предположение: – Я сошла с ума?

– Не думаю, – покачал головой плод моего воображения, – скорее, у вас временная дезориентация. Как вы себя чувствуете? Тут кое-кто хочет с вами побеседовать.

– Кто?

Я представила целую толпу таких желтоглазых, синекожих и синеволосых гигантов, и мне стало страшно. Один глюк еще куда ни шло, жить можно, но если они начнут размножаться – это прямое доказательство того, что я в дурдоме. Возможно, удар по голове повредил мне мозги или вызвал приступ

шизофрении? А может, я вообще лежу в коме, и все это мне только снится?

– Следователь из спецотдела. Уже третий день в коридоре ночует, боится проворонить, когда вы в себя придете. Вы готовы встретиться с ним? Если нет, я скажу чтобы он пришел завтра.

Врач отошел, открывая мне обзор, и я наконец-то смогла осмотреться.

Какое странное сумасшествие. Неужели мой мозг оказался способен выдать настолько реалистичную картинку? Просто уму непостижимо!

Перед моим изумленным взором открывался невиданный интерьер, похожий на декорации к фантастическому фильму. Хотя, надо сказать, поклонницей фантастики я не являюсь.

Итак, мы находились в полностью закрытом помещении. Никаких намеков на окна, только большой овальный люк, похожий на те, что используются для выхода в самолетах. Стены поблескивают сталью и хромом, а шкафчики и этажерки будто собраны из металлического конструктора.

Потолок помещения выложен квадратами из непонятного материала, похожего на матовое стекло, и несколько таких квадратов испускают ненавязчивый зеленоватый свет. У самой кровати гудит и мигает разноцветными огоньками странная аппаратура на телескопических ножках. От этой аппаратуры идут тонкие провода и прозрачные трубки.

Только сейчас я заметила, что часть из них прикреплена ко мне эластичными присосками, похожими на застывший гель.

– Что это? – я тупо уставилась на пару трубок, уходивших куда-то под одеяло. Прислушалась к себе, но никакого дискомфорта не обнаружила.

– Часть ваших костей пришлось восстанавливать с нуля, лирра. Вам полностью раздробило ноги, а по эти трубкам подается питательный раствор, который стимулирует рост новых клеток.

– Раздробило ноги? – я прикрыла глаза, пытаясь вникнуть в смысл сказанного. – Я калека? А почему не чувствую боль?

– Что значит "калека"? – нахмурился лейр Нурран. – Это слово мне не знакомо. А боль вы не чувствуете потому что лекарства блокируют ноцицепторы, передающие болевые ощущения. Зачем страдать напрасно?

Кажется, мы с ним общались на совершенно незнакомом мне языке, но при этом я все понимала и спокойно отвечала, как будто мой мозг сам переводил в слова те мысли, что возникали у меня в голове. Я только удивилась своей фантазии.

– Ладно, где там ваш следователь? – хмуро пробормотала, разглядывая одеяло из странной металлизированной ткани и такую же рубаху, прикрывающую мое тело.

Лейр Нурран подошел к противоположной стене и нажал на небольшой белый квадрат, размером с ладонь взрослого человека. В тот же миг часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая овальный проход – точь-в-точь как в фантастических фильмах про космические корабли! За проходом начинался бесконечный коридор, стерильно-белый, залитый ярким светом, шедшим, казалось, отовсюду.

Возникла мысль, что я все-таки реально головой приложилась, но это были еще цветочки.

***

Так называемый следователь оказался таким же высоким, как и лечащий врач, только кожа у него была красно-кирпичная, точно он обгорел на солнце.

Черный комбинезон, серебристые нашивки, высокие ботинки с толстой рифленой подошвой и странного вида заклепками. На поясе широкая портупея и кобура, из которой торчит что-то черное, подозрительно смахивающее на пистолетную рукоять.

Лицо следователя с прямым носом и мужественной челюстью могло бы сделать честь любому терминатору, особенно ледяной взгляд киборга-убийцы, которым он уставился на меня. Вдоль линии бровей и чуть выше крыльев носа шли две едва заметные тонкие полосы, убегавшие куда-то за линию роста волос. А волосы у него оказались абсолютно белыми, будто первый снег, и такими же короткими, как у врача.

Я так пристально разглядывала его, что он невольно и сам скосил взгляд, проверяя, все ли в порядке с его комбинезоном.

– Добрый день, лирра, – произнес он приятным баритоном, присаживаясь на стул рядом с кроватью. – Позвольте представиться: старший следователь ВСБ по особо важным делам Дэмиан Левицкий. Могу я задать вам пару вопросов?

– Какой-какой следователь? – я снова хихикнула. Внутри уже начинала зарождаться истерика.

Лейры обменялись понимающими взглядами.

– Вы знаете, где находитесь? – заговорил следователь мягко и участливо, как с ребенком.

– В коме, – бодро ответила я. – Или в сумасшедшем доме, тоже вариант.

Ослепительно-белые брови лейра Левицкого взлетели вверх, а я уставилась в его потрясающие глаза, переливающиеся всеми оттенками зеленого.

– Вы находитесь в медблоке космической станции "Гермес". Ботмобиль вашего отца потерял управление и сорвался с воздушной трассы. Ваши родители погибли на месте, а вам неимоверно повезло. Спасатели чудом сумели извлечь вас из того куска металла, в который превратился ботмобиль после падения с высоты в сто метров.

Ничего себе у меня фантазия разгулялась! Не пойму только, что откуда взялось? Я же кроме гламурных журналов больше ничего не читаю, а по телевизору одни реалити-шоу смотрю, да передачи типа "Среды обитания".

Но этот странный субъект неизвестного происхождения так уверенно рассказывал мне о том, что я на какой-то космической станции, да еще и родителей сюда приплел, что я невольно засомневалась. Хотя отец мой канул в неизвестность, когда мне было всего пять лет, а мать – нынче бодрая старушка – не так давно скооперировалась с подругами и в начале месяца махнула на черноморский курорт.

– Мы смогли частично восстановить искин ботмобиля. Он зафиксировал искусственные повреждения в системе автоуправления. Кто-то нарочно повредил личный транспорт вашего отца. Вы понимаете, что это значит?

– Нет, а что? – этот субъект начинал меня пугать.

– Это значит, что на вашу семью было совершено покушение. Скажите, у вашего отца были враги?

Я задумалась.

– А кто мой отец? – спросила ради интереса.

Мужчины снова переглянулись.

– Скажите, вы помните, как вас зовут? – произнес врач, нахмурив синие брови. – Сколько вам лет?

– Эм-м? – я уставилась на него во все глаза. Сказать, что меня зовут Татьяна Рыбкина? А вдруг у местных дам в ходу зубодробительные эльфийские имена, и мое простое русское выбьется из общего колорита? А про возраст у женщин вообще спрашивать неприлично. – Не помню…

– Вас зовут Эмитьянна Дизраелли, и вам двадцать пять лет, – просветил меня Нурран.

– А ваш отец был заместителем чрезвычайного посла с планеты Гораукан, – добил Левицкий.

Я закрыла глаза и попросила боженьку вернуть меня туда, откуда взял – на пустынный перекресток, под колеса фуры. Потому что лучше остаться без ног, но при своем уме, чем со здоровыми конечностями, но при этом повредить мозги.

То, что видели глаза и слышали уши, не укладывалось в сознании.

"Так, Татьяна, ты дама прагматичная, в чем-то даже меркантильная, особым романтизмом и фантазиями не страдаешь, по крайней мере, никогда такого не замечала за собой", – я старалась рассуждать логично, но меня уже начинало потряхивать от всей этой ситуации. Я не могла, я отказывалась верить в то, что все это правда. Мозг лихорадочно щелкал своими шестеренками, перебирая возможные варианты ответов: первое – я сошла с ума; второе – мне это снится; третье – это чей-то гнусный розыгрыш.

Как утопающий за спасательный круг, я ухватилась за последнюю мысль:

– Это какое-то шоу, да? Типа "Вас заказали"? Где камеры? Куда улыбаться? – губы сами растянулись так, что заныли щеки.

– Да, лирра Дизраелли, похоже, что вас заказали, – следователь одарил меня тяжелым взглядом без тени усмешки, и этот взгляд оказался последней каплей.

Он не шутил, он просто смотрел на меня, буравя зелеными глазами, и я почувствовала, как под этим взглядом у меня внутри все сжимается от страха. Паника подступила к горлу, перехватила дыхание плотной, удушающей волной. По спине пробежал холодок, поднял дыбом волосы на затылке.

– Ничего не понимаю, – прошептала я еле слышно. – Вообще ничего! Объясните, что происходит? Где я? Чья это шутка?

"Я сплю… я сплю… я сплю…" – равномерно тикало в голове в такт ударам сердца. Но это был не сон.

"Может, меня похитили какие-нибудь извращенцы? Накачали наркотой, а сейчас начнут домогаться и требовать выкуп?"

Невольно вспомнился заветный счет в банке и пара депозитов, на которых я самозабвенно копила деньги на сытую старость.

Глаза заволокло слезами. Отдавать свои "кровные" не хотелось, хотя на них еще никто не претендовал.

Я подняла руку, желая смахнуть слезы, и остолбенела. Моя рука, моя любимая холеная ручка с пухлыми пальчиками, украшенными дорогущим маникюром, исчезла! Теперь у меня была узкая вытянутая ладонь, длинные пальцы пианистки и острые миндалевидные ногти, словно выкрашенные перламутром.

Все это можно было еще пережить, если бы не одно "но". Точнее два.

Вытянув из-под одеяла вторую конечность, я сложила их вместе. Полюбовалась. Потом повернула внутренней стороной вверх и издала истерический смешок. Тыльная сторона обеих рук, начиная от основания ногтей, была покрыта тонкими серебристыми прожилками, напоминавшими рисунок на теле змеи. А кожа на внутренней стороне и ладонях оказалась тонкой, нежной и при этом абсолютно нереального голубого оттенка! Ну прямо как у индийских богов из «Махабхараты»!

– Зеркало! – выдала я, отмерев.

Мне тут же протянули небольшую коробочку размером с ладонь. Услужливо щелкнула крышка. На плоской платформе, напоминавшей графит, заискрились, сливаясь, тонкие лазерные лучи.

Через секунду образовалось нечто вроде серебристо-матового экрана, в котором отражался кто угодно, только не я.

Глава 2

На меня смотрело довольно милое лицо сердечком, с острым подбородком и высокими скулами. У него были тонкие рыжие брови, темные длинные ресницы и

выразительные глаза, вытянутые к вискам. Ровный нос и пухлые губы, из-под которых выглядывал неправильный прикус.

Я приоткрыла рот и чуть не заорала от неожиданности. Потому что из него показалась пара симпатичных клычков и темно-синий, как у чау-чау, язык.

А вдоль лица и шеи, от самых висков, змеились две дорожки из гладкой серебристой чешуи, точно такой же, как на руках.

Волос я не видела. Они были тщательно убраны под шапочку из эластичного материала, подозрительно напоминавшую те, что одевают пловцы в бассейнах.

Уши тоже заставили понервничать. Маленькие, аккуратные, плотно прилегающие к голове, они отличались от человеческих полным отсутствием мочки и длинными, по-эльфийски вытянутыми кончиками. "Как же я буду носить сережки?" – мелькнула в голове дурацкая мысль, пока я, открыв рот, разглядывала себя. Не к месту вспомнились изысканные каффы, которыми можно украсить всю ушную раковину.

Боже, о чем я думаю! О цацках! Я все-таки не выдержала и разразилась визгливым истерическим смехом, вырывавшимся из меня вперемешку со стонами и слезами.

– У вас истерика, лирра, позвольте, я введу вам лекарство, – в руках врача мелькнул прибор, похожий на серебристую капсулу с короткой инсулиновой иглой.

– Не смейте ко мне прикасаться! – заорала я, собираясь вскочить с кровати. – Хватит колоть меня всякой дрянью! Ничего я вам не отдам!

Дернулась так сильно, что пара трубок отпала.

Тут же заверещала сирена, и в палату вломилось несколько громил со зверским выражением на рожах. Меня прижали к койке, удерживая вчетвером, пока я бесновалась, выкрикивая ругательства, а доктор пытался поймать мою руку и сделать инъекцию. Следователь благоразумно отступил в сторону, позволяя остальным делать свое грязное дело.

Я почувствовала укол, а через мгновение тело сделалось ватным, желание сопротивляться начало медленно угасать. В голове появился туман, в котором вяло плавали мысли.

Громилы отошли, оставляя меня лежать, распластавшись, точно выброшенную на солнце медузу. Мои веки стали тяжелыми, налились свинцом. Захотелось закрыть глаза.

– Что с ней? – Левицкий нетерпеливо щелкнул пальцами, привлекая мое внимание. Они у него были вполне человеческие, с коротко стрижеными ногтями.

– Это реакция на смерть родных, – сообщил врач со знанием дела. – В данном случае ее разум избрал лучший вариант защиты – полное отрицание очевидного.

– Понятно. И долго она пробудет в таком состоянии? – он бегло осмотрел меня.

У меня появилось непреодолимое желание улыбнуться во весь рот, демонстрируя приобретенные клыки, но я не могла даже моргнуть. Не было сил.

– Я ввел успокоительное, к утру она придет в себя. Но вы же понимаете, девочке нужна психологическая помощь. Вам придется немного подождать с допросом.

– У меня не так много времени. Она должна дать показания до того, как за дело возьмутся горауканцы.

– Это невозможно. По крайней мере, сейчас.

Левицкий еще раз прошелся по мне пристальным взглядом. И судя по выражению его лица, он не очень-то верил в мою неспособность давать показания.

– Тогда позвольте откланяться. Но, на всякий случай, вот мой сетевой номер.

Он взял мою руку, которая сейчас была абсолютно безвольной, немного засучил рукав своего комбинезона и приложил свое запястье к моему.

Что-то щелкнуло, у меня в мыслях вспыхнул и погас длинный ряд непонятных значков.

Услужливая фантазия тут же идентифицировала их как местные цифры. Я бы эти каракули в жизни не разобрала, но почему-то была уверена, что они непременно всплывут в памяти, когда понадобятся.

– Когда будете готовы к конструктивному диалогу – сообщите. Следствие по вашему делу полностью в моей компетенции.

С этими словами он развернулся на каблуках и вышел в бесшумно отъехавший люк. Я прикрыла глаза, потому что окружающий мир расплывался с ужасающей быстротой.

– Лирра, – голос доктора отвлек меня от невеселых мыслей, – пришел ваш жених. Ему сообщили, что вы очнулись, и он очень хочет увидеть вас.

"Жених, – вяло подумала я, – уж не тот ли единственный, которого я заказала?"

– Я скажу, что вы утомлены, пусть приходит завтра.

"Господи, когда от меня все отстанут? Дайте мне спокойно умереть..."

Я с удовольствием бы отвернулась и закрыла уши руками, но ни того, ни другого сделать, к сожалению, не могла.

Последнее, что я услышала, это шаги Нуррана и звук отъезжающего люка. А потом все – сознание отключилось.

***

Проснувшись во второй раз, я прислушалась, прежде чем открыть глаза. В окружающем мире что-то было не так. Чуть слышное монотонное гудение никак не могло быть гудением моего холодильника или стиральной машинки, а еще

мой нос улавливал странные незнакомые запахи. Так не пахнет в моей квартире…

Открыв глаза, я уставилась в потолок, потом перевела взгляд на стены. Нет, мой кошмар никуда не делся, я по-прежнему оставалась в том странном месте, в которое меня неизвестно как занесло.

Посмотрела на руки. Моя кожа была все такого же голубого цвета, с узором из серебристых чешуек. Не удержавшись, я откинула одеяло, решительно задрала рубашку до пояса и тяжело задышала, пытаясь справиться с охватившим меня приступом паники.

Ноги оказались зафиксированы эластичными держателями, а под колени уходило штук пять разноцветных трубок. Как я ни старалась, мне не удалось пошевелить нижними конечностями. Успокаивало только одно: их было две, ровные, бледно-голубые и безволосые. "Ноги как ноги", – облегченно подумала я. Хотя, на лодыжках и коленях была видна чешуя. Между ног тоже ничего нового не обнаружилось, разве что вместо привычной растительности на лобке блестели все те же серебристые чешуйки. Интересно, а под мышками они тоже есть?

Я извернулась, заглядывая себе в рукав. Нет, там только гладкая голубоватая кожа.

Оттопырила широкий ворот и заглянула под рубашку. Фух, слава богу, грудь на месте. И ничего такая грудь, не очень большая, зато красивой формы и крепкая.

А еще у меня теперь неестественно узкая талия. Такую обычно создают хирургическим путем, удаляя нижние ребра.

С одержимостью маньяка я внимательно осматривала себя во всех местах, где только могла, и даже пощупала. Новое тело казалось чем-то нереальным, способным исчезнуть в любую минуту, и меня посетила надежда: а вдруг мне все это снится? Я вот-вот проснусь у себя в кухне, за столом, с больной от перепоя головой, побреду в душ и буду собираться в офис. Потом, как всегда, позвонит маман и устроит мне взбучку. А еще предложит на выбор с пяток великовозрастных сыночков своих подруг, которые, как и я, прозябают в одиночестве…

Осознание действительности не пришло ко мне как гром среди ясного неба. Я могла бы сколько угодно доказывать себе, что окружающая реальность – плод моего не в меру разыгравшегося воображения, но в конце концов мне пришлось бы посмотреть правде в глаза. Слишком уж четко я запомнила яркий свет фар, оглушающий визг тормозов и монстроподобную кабину тяжеловесной фуры, несущейся на меня.

Я напрягла память, пытаясь вспомнить промежуток времени между моей идиотской попыткой привлечь суженого и сегодняшним пробуждением.

Кажется, со мной говорили двое: один длинный, затянутый в серебристый комбинезон, а второй такой красный, будто обгорел на солнце, и комбинезон у него был черный. Первый назвался моим врачом, второй – следователем. И оба уверяли меня, что я нахожусь на космической станции.

Вспомнился старый фантастический сериал, кажется, он назывался "Квантовый скачок". Там герой путешествовал во времени, вселяясь в тела разных людей. Неужели со мной случилось нечто подобное? Но почему именно со мной? Почему именно я? Ответа на эти вопросы не было…

Очень спокойно и даже отстраненно я приняла очевидное: мое тело погибло под колесами грузового транспорта, а душа непонятным образом переселилась в тело другого существа. И теперь мне нужно учиться как-то жить дальше. Как – этого я еще не знала.

Радовало одно: новое тело оказалось молодым, разумным, да еще и женского пола, а ведь могло быть намного хуже! Я с содроганием представила, что могла бы перевоплотиться в какую-нибудь ящерицу или – не дай Бог! – в червяка.

***

– Добрый вечер, лирра. Как вы себя чувствуете? – раздался знакомый мужской голос позади меня.

Я вздрогнула от неожиданности и обернулась.

Черт! С другой стороны кровати, втиснувшись между двумя стеллажами, сидел знакомый синеволосый мужчина и смотрел на меня.

– Э-э-э… – по спине пробежал холодок, – простите, забыла ваше имя.

– Лейр Нурран, ваш лечащий врач.

Он поднялся и подошел ко мне.

– Очень приятно, – машинально ответила я, – а я…

– Лирра Дизраелли, – Нурран мягко улыбнулся. Чешуйки на его скулах сверкнули. – Скажите, вы что-нибудь помните о том, что с вами случилось?

Я настороженно покачала головой. Сам того не зная, врач подсказал мне подходящую тактику. Кажется, безопаснее всего сделать вид, что я ничего не помню. Не стоит так сразу ошарашивать его своей исповедью, сначала разберусь, куда меня занесло.

– А что со мной случилось?

– Вчера приходил следователь, это вы помните? Дамиан Левицкий.

– Вчера? – я напрягла мозги. Так это вчера я сюда попала! В голове мелькнули воспоминания о том, как очнулась здесь в первый раз, и мне сообщили, что я и мои родители разбились на местном транспорте со странным названием. Только это не я, не мои родители, не моя жизнь. Все это принадлежало той самой Дизраелли, в теле которой я теперь была. – Да, следователя помню. Кажется…

– А то, что он вам сказал?

Голос мужчины был заботливым и тихим, словно его хозяин опасался, что я вот-вот закачу истерику.

– Помню про аварию. И что я здесь уже две недели, – медленно произнесла я.

Теперь вспомнилось все, и вчерашнее успокоительное тоже. Повторения не хотелось, а потому я старалась не делать резких движений и говорить вполголоса.

– Две недели и один день, если быть точным. Тела ваших родителей запаяны в погребальные капсулы и ждут отправки на родину. Лейр Драммон взял на себя все расходы по их доставке и похоронам. Ждут только вас.

– А кто такой лейр Драммон?

– Ваш жених, лирра, – нахмурился врач, не сводя с меня обеспокоенного взгляда. – Вы его не помните?

– Нет, – я пожала плечами.

Почему-то упоминание о женихе не вызвало у меня ни малейшего отклика. Хотя, должна была бы обрадоваться. Разве не об этом мечтала?

– Чего вы еще не помните?

– Ничего.

– Что значит "ничего"?

– Вообще ничего, – я развела руками, демонстрируя недоумение. – Не могли бы вы подсказать, как меня зовут?

Нурран озадаченно уставился на тихо гудящие приборы, экраны которых перемигивались цветными диаграммами. Я тоже кинула на них настороженный взгляд. Попасться на лжи не хотелось.

Мелькнула мысль, что стоило бы открыть правду, но тут же уползла в самый дальний угол моего сознания. Банальный страх заставил прикусить язык. Да и что я могла сказать? "Здравствуйте, меня зовут Рыбкина Татьяна Александровна, одна тысяча девятьсот такого-то года рождения. Прибыла к вам с далекой Земли, из двадцать первого века, для обмена разумом"?

Да меня тут же упекут в местную психушку, ведь для них я кто-то другой, вернее, другая! Никто не поверит мне. Да я бы сама не поверила, если бы вдруг одна из моих знакомых заявила, что она – не она, а какой-то другой человек, вселившийся в ее тело. И вообще, лучше молчать, изображать амнезию и уповать на удачу. Это же из-за нее я сюда попала! Если бы не тот дурацкий заговор…

– Я должен обсудить ваш случай с коллегами, – пробормотал Нурран себе под нос, тыкая пальцем в странный приборчик у себя на запястье. Мне с кровати был виден только широкий силиконовый браслет серого цвета. – В моей практике такого еще не было.

– Какого?

– Чтобы человек или модификат потеряли память.

Я напряглась. Это что еще за модификаты такие? Инопланетяне что ли?

– Наверное, произошел какой-то сбой… – продолжил синеволосый строить теории.

– Где?

Но он меня уже не слушал.

– Лежите, постарайтесь отдохнуть, лирра. Я пришлю вам сиделку.

Врач вышел, а я опять уставилась в потолок.

Что делать дальше – даже не представляла. Перебирала в голове все, что узнала, и мучилась сомнениями: сказать, не сказать, а если сказать, то как? А если не поверят, то как доказать? А если решат, что я сумасшедшая?

Может быть, амнезия – единственно правильный выход? Притворюсь, что я ничего не помню, пусть меня лечат. А сама потихоньку осмотрюсь, разузнаю, что тут почём, и кем я теперь стала. Тогда уже и приму решение, раскрывать себя или нет.

Глава 3

Несколько минут я просто лежала, погрузившись в размышления. А потом рядом с кроватью что-то пикнуло, заставив меня подскочить от неожиданности.

– Лирра Дизраелли, я ваш дроид-сиделка МММмо дробь восемнадцать.

Я с изумлением уставилась на блестящий металлический цилиндр, подкативший ко мне на трех колесиках. Как он сюда попал? Неужели я так задумалась, что не услышала звук открывающегося люка?

У механической сиделки оказался бесцветный голос, три псевдо-руки в виде гофрированных шлангов, на концах которых находилось по три пальца-манипулятора, и матовый экран там, где по идее должно находиться "лицо". Я не знала, как обращаться с этим чудом роботехники, и даже слегка оробела. Мне показалось, что дроид разглядывает меня, хотя ничего похожего на глаза я на нем не увидела.

– Эм-м… как мне к вам обращаться? – осторожно поинтересовалась я. Все же это мой первый опыт общения с роботами.

– Лирры не обращаются к механическим и кибернетическим организмам на "Вы", – менторским тоном просветил меня дроид. – Мое полное наименование МММмо дробь восемнадцать, но вы можете его сократить, как вам будет удобно.

– Так, а что означает твое название?

– Медицинский Манипулятивный Многофункциональный Механический Организм с самообучающейся программой. Партия номер восемнадцать. Идентифицирую себя как женский пол для более комфортного общения с пациентами.

– Ого, – я нервно улыбнулась, – звучит очень представительно. Но слишком длинно. Можно, я буду звать тебя просто Маша?

– Как вам будет угодно, лирра.

Сама не знаю, почему именно "Маша", но это было первое имя на букву "м", что пришло мне в голову.

Пальцы-манипуляторы подсоединились к разъемам аппарата, от которого шли трубки к моим ногам. Матовый экран дроида посветлел, на нем странной абракадаброй пронесся ряд непонятных каракулей и значков, отдаленно напоминавших привычные арабские цифры и латинские буквы. Да уж, не знаю, куда меня занесло, но у этих гуманоидов подозрительно знакомый алфавит! Контрольная панель на аппарате замигала разноцветными огнями, раздался неприятный звук зуммера, и дроид отсоединился.

– И что это ты делала? – я с любопытством наблюдала за всеми манипуляциями.

– Проверила ваши показатели, лирра. У вас отличная регенерация, как и у всех модификатов Гораукана.

Вот тут меня колотнуло. Эх, не зря я насторожилась, когда Нурран упомянул этих самых модификатов! Попой чуяла, что что-то со мной не так!

Дроид продолжал:

– Кости и мышечная масса ног практически восстановились, поэтому вам больше не понадобится помощь дендримертона.

– Помощь кого?

Все незнакомые названия вызывали у меня холодный озноб. Я уже начинала бояться их, как черт ладана.

– Аппарата, к которому вы подключены. Он поставляет лекарства и питание к определенным клеткам с помощью наночастиц – дендримеров.

Можно подумать, я что-то поняла.

Впрочем, это было не важно. Меня интересовало другое.

– А модификаты это кто? – начала я осторожно прощупывать почву.

– Представители человеческой расы, видоизмененные в результате естественного и искусственного трансгенеза.

Ну, слава Богу, хоть не инопланетянкой стала, а обычным среднестатистическим мутантом, зато с человеческими корнями.

– Так я мутант? – некстати вспомнился синий язык.

– Нет, лирра. Мутант – это биологический организм, отличающийся от исходного типа каким-либо наследственным отклонением, возникшим в результате мутации. Модификаты – это новый вид человеческой расы. На сегодняшний день существует около десяти подвидов.

Из этой тирады я поняла от силы слов пять. Смысл остальных безнадежно ускользал.

Разговаривая со мной, дроид откинул с кровати одеяло, ловко отсоединил трубки от сосудов под моими коленями и наложил на ранки какую-то клейкую массу, моментально застывшую тонкой непроницаемой пленкой. Боли я не почувствовала.

– Я могу встать? – тут же спросила я.

– Пока нет, лирра. Дождитесь вашего лечащего врача.

– И когда он придет?

– Обход через девять часов тридцать минут.

Я только растерянно захлопала ресницами. Вдаваться в подробности побоялась, а потому кивнула с понимающим видом и спросила другое:

– Кстати, а Гораукан – это что?

– Четвертая планета звездной системы Альстерия, созвездие Нереид, галактика Немертея.

– А где я сейчас?

– Вы находитесь на научно-исследовательской космической станции "Гермес", в медицинском блоке.

– Ах, да, кажется, мне уже говорили об этом вчера.

Удивительно, но дроид даже не поинтересовался, почему я задаю вопросы, на которые, вроде бы, должна знать ответ. Видимо, его не запрограммировали на любопытство. Но как раз это и было мне на руку. Нелепый цилиндр на колесиках мог стать настоящим кладезем информации, но я боялась, что наш разговор может записываться. Если даже в моем салоне везде были натыканы камеры, то здесь, наверное, и подавно.

Ну да ладно, если что – спишем на амнезию.

– А сейчас какое время суток? – продолжила я допрос.

– На "Гермесе" время отсчитывается автоматически, – просветил дроид, – Сейчас одиннадцать часов, двадцать пять минут.

"Бред сумасшедшего! – подумала я. – Хоть бы сказала, день или ночь?"

– А число какое?

– Двенадцатое бариэля 5386 года по Всегалактическому календарю Паттерсона-Минаева.

Я едва удержалась, чтобы не присвистнуть. Ничего себе, меня занесло! А по старому доброму григорианскому это сколько?

Одно утешало – фамилии звучали вполне человеческие. Кажется, все не так уж и плохо.

Хотела спросить, что за месяц такой бариэль, сколько их всего и какое сейчас время года, но мой новый организм решил о себе напомнить.

В животе забурлило.

– А кормить меня полагается?

– Да, лирра. Выберите на моей панели интересующие вас блюда. Заказ будет доставлен через десять минут.

– Эм-м? Я не помню, как это сделать…

– Просто нажмите на название блюда в списке сегодняшнего меню. Или закажите дежурное блюдо.

На матовом экране дроида высветилась колонка непонятных загогулин. Эх, чему быть, того не миновать. Закусив губу, я наугад ткнула пальцем в пару строчек. Потом подумала и нажала еще одну внизу. По логике, в верхней части списка должны идти первые блюда, а напитки и десерты внизу. Надеюсь, я угадала.

– Ваш заказ принят. Ожидайте доставку.

Интересно, а что тут едят?

Глаза заволокло туманом, накатила слабость. Я прикрыла веки, пытаясь справиться с легким головокружением, и тут же перед внутренним взором возникли плоские квадратные и треугольные тарелки с разноцветными субстанциями странного вида. Некоторые напоминали прозрачное фруктовое желе, другие – манную кашу, заварной крем или яблочный мусс.

Пришло четкое понимание:– это не мои воспоминания, я такого в жизни не видела.

Стало не по себе. Неужели просыпается память этого тела?

Я невольно сосредоточилась на блюдах, которые продолжали маячить перед закрытыми веками. Никакой определенной формы, размазня. Оставалось только надеяться, что на вкус это окажется лучше, чем на вид.

Дроид подъехал к одному из металлических шкафов-коробок, чем-то напоминавших старые добрые автоматы для кофе, и подключился. Через несколько минут шкаф замигал веселыми огоньками, и в передней панели открылось окошко, из которого показался поднос с тарелками, словно сделанными из твердого глянцевого пластика. Дроид ловко подхватил его и водрузил передо мной на кровать.

Поднос оказался с ножками, что было очень удобно в моем положении, а вот в тарелках лежала субстанция непонятного происхождения. В первой она была неприятного серо-желтого цвета, во второй кремового, а в третьей находился кубик полупрозрачного розового желе, украшенного сверху чем-то белым. К каждой тарелке полагалась отдельная ложка – треугольная, с закругленными углами и длинной ручкой.

Умереть – не встать!

– Я должна это съесть? – я с сомнением колупнула ложкой месиво в первой тарелке. Этот цвет мне что-то напоминал.

– Да, лирра.

– И что, это едят все на станции?

– Нет, лирра. У вас особая витаминно-протеиновая гомогенизированная диета.

– Чего? – я опешила. – Тогда давайте мне мясо, фрукты, овощи, а не эту "детскую неожиданность"!

Слишком поздно пришло мне в голову, что на космической станции мясо и фрукты могут быть дефицитом.

– К сожалению, вам нельзя употреблять твердые продукты, лирра. Кишечник полностью восстановлен, но для его нормальной работы вам придётся

соблюдать диету.

– А что было с моим кишечником?

– Нижняя часть тела пострадала при аварии. От пояса и ниже вас пришлось восстанавливать в нанобоксе.

Я поежилась, представив себе, что это могло означать на деле. Да здравствует медицина будущего!

Отсалютовав дроиду ложкой, я зачерпнула коричневатую массу и с опаской отправила в рот. А ничего так, похоже на детское овощное пюре из баночки. Такое же однородное и непонятное на вкус. Пробовала однажды, когда кормила дочку подруги. Еще тогда подумала, как бедные дети едят эту дрянь, а теперь сама жую безвкусную субстанцию, напоминающую цветом такое, что в приличном обществе и сказать стыдно.

Кое-как, давясь и чертыхаясь, я набила желудок и с облегчением отодвинула поднос. Не к месту вспомнились картошка-фри, шаурма и шашлычок. Рот наполнился голодной слюной, в животе тоскливо заурчало, будто я и не впихнула в себя только что три тарелки витаминно-протеиновой гадости.

– Теперь вам рекомендуется хороший сон для скорейшего выздоровления, – произнес дроид, забирая посуду.

Я уже открыла рот, собираясь ему возразить, но внезапно накатилась сонливость. Думать ни о чем не хотелось, говорить тоже. Мое сознание медленно уплывало, качаясь на волнах дремы. Где-то на периферии мелькнула мысль – в пище было снотворное! – и растаяла, не оставив о себе и следа.

Я уснула.

***

Разбудили меня тихие голоса, что-то обсуждавшие рядом со мной. Один из них я узнала – это был лейр Нурран, а вот второй слышала впервые.

– Командор, девочка потеряла память. Она не помнит даже собственного имени! Я не могу взять на себя ответственность и выписать ее до того, как буду твердо уверен в том, что она здорова, – мой врач явно горячился, хоть и старался говорить шепотом. – Таковы правила. Я не буду их нарушать по чьей-то прихоти.

– Понимаю, – у его собеседника оказался приятный глубокий баритон с бархатными нотками, в котором, тем не менее, чувствовалась сталь, – но и вы поймите меня. Глава Гораукана передал официальный запрос. По их законам вашу пациентку должны отдать под опеку жениха. Это у нас она считается полноценным гражданином общества, а там – несовершеннолетней до тридцати лет. Если Драммоны оформят опеку над ней, даже я ничего не смогу сделать. Тем более, после вашего заявления об амнезии, ее вообще могут признать недееспособной.

Я осторожно приоткрыла глаза и глянула сквозь ресницы. Взгляд уперся в серебристый комбинезон Нуррана. Врач стоял спиной ко мне, колдуя над очередным аппаратом.

– Да, это очень странный случай, – озадаченно пробормотал он. – Нейрограф не выявил никаких нарушений в работе чипа, мозг не поврежден, нет даже легких ушибов. Такое ощущение, что пациентка просто не хочет ничего помнить.

– Психологическая травма? – предположил тот, кого Нурран назвал командором. Я его не видела, но тихий голос раздавался со стороны врача. "Связь", – мелькнуло в голове, и тут же перед внутренним взором предстал силиконовый браслет, виденный мной на руке доктора.

– Судя по всему, так и есть. Мы с коллегами посоветовались и решили, что это реакция на смерть близких. Девочке нужен покой и уход.

"А девочка – это я", – мелькнули вполне обоснованные подозрения. Вряд ли здесь была еще одна страдающая амнезией. Но спасибо врачу, он хоть и не человек, но в человечности ему не откажешь, беспокоится за свою пациентку.

– Покой это вряд ли. Следователь ВСБ со вчерашнего дня мне порог обивает. Требует разрешение на проведение следственных работ.

– Дамиан?

Знакомое имя заставило затаить дыхание. Вспомнились пронзительные зеленые глаза на суровом лице кирпично-красного цвета. Кажется, их обладатель обещал вернуться и продолжить допрос. Надеюсь, у него под рукой не окажется детектора лжи.

– Да, Левицкий. Ему плевать, что твоя пациентка пережила стресс. На территории станции погибли посол Гораукана и его жена. Служба безопасности будет носом рыть, но найдет виновных или тех, кто возьмет на себя ответственность. Им же надо как-то отчитываться перед начальством. Мне ВСБ не подчиняется, но, как глава станции, я могу ограничить им доступ к твоей пациентке.

Тон говорившего изменился с официального на более доброжелательный, в нем появились приятельские нотки.

Я невольно испытала прилив благодарности. Каждая клеточка моего тела буквально вопила: "Да! Пожалуйста! Запретите ему ко мне приближаться! По крайней мере, пока я не наловчусь врать с открытым честным взглядом".

– Да, Рейн. Я буду тебе благодарен, – в голосе Нуррана послышалась улыбка. – С меня бутылка "Звездной пыли".

– А она хоть хорошенькая?

Это он о ком? О бутылке?

Мне показалось, что командор обязательно должен был многозначительно подмигнуть при этих словах.

– Рейн! Тебе прочитать лекцию о врачебной этике? – ответил врач с шутливым возмущением и покачал головой.

– Давай, у меня перерыв через десять адронов. Заходи, прочтешь.

Нурран повернулся ко мне. В руках он держал плоский предмет, подозрительно похожий на знакомые мне планшеты, только тонкий, как лист бумаги. Я боялась пошевельнуться, даже вдохнуть, лишь бы он не догадался, что я все слышала. Но врач, похоже, был погружен в свои мысли. С задумчивым видом он потер подбородок, скользнул по мне взглядом и опять вернулся к изучению той штуки в руках.

Я позволила себе едва слышно вздохнуть.

– Лирра Дизраелли? – тут же встрепенулся Нурран, подходя ближе. – Вы не спите? Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, хорошо, – я натянуто улыбнулась.

– Отлично, – врач убрал планшет в карман и довольно потер руки. – Мы как раз с командором Сагирой обсуждали ваше дальнейшее будущее. Возникли кое-какие проблемы.

– Со мной что-то не так? – испугалась я.

– Нет, дело не в вас, а в законах вашей планеты. Понимаете, ваш случай амнезии просто уникальный. За последние пятьсот лет, с тех пор, как использование мнемочипов сделали обязательным для всех, еще ни один человек или модификат не терял память. Это просто невозможно.

– Почему?

– Потому что этот чип записывает всю входящую информацию с момента своего внедрения и активации, – объяснил Нурран таким тоном, словно говорил с умственно-отсталой. – Обычно его вводят сразу после рождения, через родничок, хотя на отсталых планетах бывает и позже. Но процедура обязательная для всех, исключений не бывает.

– Так у меня он тоже есть? – я невольно ощупала свою голову.

– Да, лирра, но если вы ничего не помните, значит, ваш чип дал сбой.

– И что это значит?

– У вас есть два пути. Мы можем постараться разбудить вашу память, сняв психологический барьер, а можем изъять имплантат и работать уже с ним.

Меня передернуло от этих слов.

– Нет, ничего изымать не надо! – поспешно сказала я. – У меня иногда мелькают воспоминания, просто я не могу их пока осознать.

– Я так и думал. Сейчас лейр Драммон хочет оформить опеку над вами и забрать на Гораукан. Я не могу ему запретить, но мне бы очень хотелось самому наблюдать ваш случай. Вы отличный материал для диссертации!

– Ага, – уныло вздохнула. Материалом для диссертации я еще не была. – А кто такой этот Драммон?

– Ваш жених.

– Ах, да…

Кажется, мне о нем уже говорили.

– Вы его помните? – обрадовался врач.

– Э-э-э… не очень.

– Я разрешил ему повидать вас сегодня вечером. Надеюсь, эта встреча всколыхнет память.

Я отвела взгляд. Боюсь, эта встреча ничего не всколыхнет, но огорчать милашку врача не хотелось. Было стыдно ему врать, но иначе я уже не могла. Начав разыгрывать амнезию, я сама сделала выбор, а теперь уже поздно сдавать назад и кричать, что я попаданка.

– О! У меня для вас есть кое-что, – Нурран загадочно улыбнулся, вспомнив о чем-то, и полез по карманам, – но сначала завтрак.

Глава 4

После завтрака, который оказался таким же противным, как и ужин, врач с довольной улыбкой протянул мне овальный футляр. Он был похож на те, в которых бабушки очки хранят, но размером побольше. Открыв его, я действительно увидела внутри очки! Только формой они напоминали горнолыжные, а стекло заменяла пластина из непрозрачного материала.

– Что это? – я недоуменно моргнула.

– Не помните?

– Нет.

– Хм… Это нейронный ультравизор, – сообщил Нурран, внимательно наблюдая за моими действиями и что-то записывая в планшет, – портативная модель. Очень удобная вещь, кстати. Всегда с собой, всегда в кармане. Ну и бесперебойный выход в инфонет. Можете подключиться через личный код и войти в свой аккаунт. Тогда вам будут доступны все сетевые ресурсы, рассчитанные на гостей "Гермеса"

– Не помню свой личный код, – я развела руками. – Даже как этой штукой пользоваться не помню.

– Ваша амнезия действительно уникальна! Надо будет порыться в истории докосмической эры, может, найду описания подобных случаев.

– Не могли бы вы мне помочь? – я состроила виноватую рожицу.

Моя гримаса подействовала на мужчину как-то странно. Он вдруг засуетился, спеша мне помочь. Неужели так плохо выгляжу? Или наоборот?

Теперь уже я начала за ним наблюдать, пытаясь просчитать, что им движет: банальная забота о пациенте или что-то еще?

Между тем, Нурран достал ультравизор из футляра и помог надеть его на глаза. Эта штука действительно выглядела как горнолыжные очки. Потом он протянул мне две силиконовые таблетки размером меньше горошины, и показал, что их нужно вставить в уши. Это были беспроводные наушники.

После этого врач сказал мне приложить левое запястье к большой белой кнопке, торчавшей из ультравизора над левым виском. Оказалось, что это сенсор, напрямую считывающий информацию из чипа-идентификатора, вживленного прямо в запястную вену. Точнее, как объяснил Нурран, чип был прикреплен к внешней стенке вены таким хитроумным способом, что удалить его было невозможно при всем желании.

Значит, мнемочип у меня в голове исполняет роль внешней памяти, вроде флешки, а вот тот, что в руке – заменяет документы и кредитную карту.

Я старалась не думать о том, что во мне теперь целых два чужеродных тела. А может и больше, но спросить об этом не решилась.

Включался ультравизор на удивление просто – силой мысли. Прогресс достиг здесь таких высот, что почти граничил с магией.

– Ну вот, – удовлетворенный увиденным, Нурран улыбнулся. – Можете наслаждаться.

– А вы? – я встрепенулась.

– У меня обход.

Внезапно пришла мысль, что кроме него других врачей я не видела.

– Скажите, вы здесь единственный врач?

– Конечно, – он удивился. – Присутствие медперсонала совершенно не нужно. С травмами любой тяжести отлично справляется нанобокс и дроиды.

– Тогда, что вы здесь делаете?

Он заглянул в свой планшет.

– Я наблюдаю пациентов особой важности. Тех, чьи жизни слишком ценны, чтобы их можно было доверить искину.

Ого… Значит, я пациент особой важности? Ах, ну да, у меня ж теперь папа посол.

Я поймала себя на том, что тяжко вздыхаю. Нурран по-своему интерпретировал этот вздох.

– Мне жаль, что все так случилось, – произнес он мягким тоном. И внезапно положил ладонь поверх моей. – Но террористов уже ищут и обязательно найдут. Даже если они маджестики.

– Кто? – я опустила взгляд на его кисть.

Узкая, с сильными пальцами. Ногти аккуратно подстрижены. По коже серебрятся чешуйки.

Это он так заигрывает со мной?

Посмотрела ему в лицо.

Да нет, вроде. Взгляд открытый, хоть и подернулся непритворной печалью.

– Нечипованные.

Увидев удивление на моем лице, он добавил:

– Да, к сожалению, и в наш прогрессивный век существуют еще закрытые общества, в которых люди не принимают ни модификаций, ни чипов.

– Но вы же говорили, что всем…

– Так и есть. Я имею в виду не мнемочип, а идентификатор. От безграничной памяти не отказываются даже маджестики. Хоть они и пропагандируют отказ от любых вмешательств в живое тело. Отдыхайте, лирра.

Последние слова Нурран произнес с улыбкой и удалился.

Я же осталась осваивать инопланетную технику.

Изображение в ультравизоре оказалось не только объемным, но и настолько реалистичным, что через минуту я уже забыла о том, что нахожусь в больничном боксе.

Зайдя в аккаунт своей предшественницы, я попала в пышно обставленную комнату, которую остаточная память опознала как спальню.

Комната была овальной. В центре, на возвышении, стояла большая кровать, укрытая шелковым пологом, тоже овальная, без изголовья. Перед ней располагались бескаркасные кресла, низенький столик с закругленными углами, хрупкая этажерка, заполненная стеклянными статуэтками. Стены занимали огромные панорамные окна, за которыми сияло лазурное небо. В одном окне виднелись верхушки пальм, чуть колеблющиеся на ветру, другое встретило меня золотистым песком и пенным прибоем. Казалось, будто я в один миг перенеслась на дорогой курорт где-нибудь в Тихом океане.

Стены между окнами покрывали большие зеркальные плиты, занимающие всю площадь от пола до куполообразного потолка. Я стояла как раз напротив такой стены, но не могла разглядеть собственное отражение, как будто его застилал туман.

Но вот что-то произошло. Словно чья-то неведомая рука смахнула пыль с зеркальной глади, и я увидела девушку, застывшую напротив меня.

Среднего роста, стройная, я бы даже сказала худощавая. С непривычным голубоватым оттенком кожи и смутно знакомым лицом, на котором выделялись только глаза. С пышной шевелюрой цвета начищенной меди. Волосы окутывали ее до пояса, спускаясь рыжими струями вдоль груди.

Из одежды на девушке был лишь короткий топ да шорты из эластичного материала. Босые ноги утопали в ворсе ковра.

Незнакомка внезапно улыбнулась и небрежным движением откинула волосы назад. Вдоль ее руки на мгновение вспыхнул ряд серебристых чешуек, и я увидела, что уши у нее такие же, как и у меня теперь.

Неужели я выгляжу точно так же? Мило, конечно, но странновато…

– Привет, – проговорила она, глядя куда-то сквозь меня, – я Эмитьянна Эйвери Дизраелли, для родных и друзей просто Тьяна или Ти. И если вы сейчас смотрите эту запись, значит, я умерла.

Я вздрогнула.

Эта девушка не была моим отражением в зеркале. Нет, это была настоящая Эмитьянна, в теле которой я оказалась каким-то чудом. И сейчас я просто смотрела запись, которую она сделала.

– Для начала я должна извиниться за то, что втянула вас в эту историю, – продолжало видение, – но выбора у меня не было.

Мой отец, Фредерик Дизраелли – заместитель посла Гораукана на территории звездной системы Проктор. Несколько циклов он финансировал тайную лабораторию профессора Бергмана по созданию особого вещества – апейрона. Оно предназначалось для телепортации астральной энергии, так называемой «души». Его собирались использовать для исследований глубокого космоса, но еще не успели опробовать в полевых условиях, когда я стащила у отца ключ от лаборатории.

Наши ученые, а вслед за ними и правительство, решили, что дешевле отправлять через миллиарды парсеков «души» астронавтов, а не их самих,

чтобы они вселялись в тела аборигенов и изучали обстановку на планетах изнутри. Это выгоднее, чем каждый раз посылать корабли с оружием, десантом и поселенцами, которые через раз исчезают бесследно в глубинах космоса.

Но пока эксперимент действует с точностью наоборот. «Души» подопытных исчезают, замещаясь чужими. Возможно, его скоро прикроют.

Лаборатория полностью частная и находится на территории нашего фамильного особняка на Гораукане. Она засекречена, как и все в Конфедерации, от шпионов Земного Альянса. Но на самом деле разработка телепортатора была лишь прикрытием для другого проекта. В этой лаборатории изучали меня.

Еще в детстве я обнаружила, что умею читать мысли. Может, это последствия экспериментов, которыми была занята моя мать во время беременности. А может, виновата кровь отца, получившего в свое время ударную дозу космической радиации.

Суть в том, что таких, как я, больше нет ни в Альянсе, ни среди конфедератов. О моих необычных способностях знал только ограниченный круг доверенных лиц. Но каким-то образом информация попала в чужие руки.

Профессор Бергман пытался создать лекарство, которое бы гасило мою телепатию, а заодно и понять принцип ее действия. Ему удалось сократить радиус восприятия почти в два раза, но я обманула, сказав, что теперь слышу мысли только тех, кого вижу.

Еще подростком я поняла, что мои способности нужно хранить в секрете, и стала хитрить. Повзрослев, научилась включать и отключать телепатию, выбирать, кого и когда слышать, но даже родителям этого не сказала.

Сейчас на моем мнемочипе хранятся тайны, от которых зависит будущее Галактики. Есть определенная группа людей, которая заинтересована в глобальной войне между Альянсом и Конфедерацией. Уличить их в этом или что-то доказать я не могу, потому что случайно подслушанные мысли не являются доказательством.

Вот уже несколько раз меня пытались убить. Вначале это было похоже на несчастные случаи. Но в последнее время эти «случаи» участились и явственно

говорят о чьем-то вмешательстве. Кто-то серьезно настроен избавиться от меня.

Я не знаю, кто этот враг, слишком много подозреваемых. Наша служба безопасности сбилась с ног. Родители всеми силами пытаются защитить меня, но я не могу бежать вечно. Однажды, «они» достанут меня.

Именно поэтому я воспользовалась отцовским ключом и украла из лаборатории образец апейрона. Никто не знает, что его взяла именно я, мне удалось предоставить алиби, меня даже не подозревают. Чтобы активировать астральную телепортацию, нужно всего лишь ввести его в мозг. Но я решила, что сделаю это только в минуту смертельной опасности!

Вы должны меня понять и простить. Я устала жить под круглосуточной охраной, в титановом бункере под землей, где даже вид из окна – всего лишь трехмерное изображение, – и она махнула в сторону окон, за которыми на легком ветерке трепетали пальмовые листья. – Завтра мой отец летит с посольством на "Гермес" – космическую исследовательскую станцию, принадлежащую конфедератам. Я попрошусь с ним. Думаю, сектор посольства Гораукана охраняют с особым тщанием, так что вряд ли мне что-то грозит. Но на всякий случай оставляю эту запись и беру с собой апейрон.

В общем, если вы сейчас смотрите на меня, значит, мои надежды не оправдались. Но не судите слишком строго. Если мне пришлось воспользоваться апейроном, и вы очнулись в моем теле, значит, меня больше нет. Я только надеюсь, что в мое тело вселилась достаточно разумная особь.

Будьте предельно осторожны! Никому не доверяйте! Обратитесь к моим родителям – это единственные люди, которым вы можете доверять. И помните: в вашей голове находится нечто, за что вас, не задумываясь, убьют! Если вам будут доступны моя память и телепатия, вы поймете, о чем я.

Наверное, сейчас я должна попросить вас сделать все, чтобы предотвратить возможный конфликт. Но не буду этого делать. Просто живите. Постарайтесь прожить за меня то, что я не успела. Удачи!

Девушка резким жестом смахнула слезы, и сеанс связи оказался окончен. Зеркало подернулось серой дымкой.

Я же стояла, как громом пораженная.

Офигеть… Значит, мое попаданство – это не магия, не божий промысел, а научный эксперимент из будущего?

Что ж, версия с сумасшествием отменяется – уже хорошо. Но вот весть о том, что я теперь объект охоты неизвестных личностей, совсем не радует. Нет у меня ни желания, ни опыта играть в шпионские игры.

Собравшись с мыслями, я наконец огляделась.

Спальня исчезла. Теперь я находилась в бесконечном коридоре между огромных стеллажей, уставленных тяжелыми томами. Эти стеллажи уходили вверх и терялись в тумане, точно так же, как и по обе стороны от меня.

Похоже на гигантское книгохранилище.

В голове тут же возник ответ – это и есть хранилище. Виртуальное хранилище знаний, к которому Эмитьянна имела доступ. Вроде нашего Гугла. Именно так она представляла его себе.

Здесь я могу узнать о мире, в который меня занесло.

А заодно и о том, кем я стала.

Глава 5

Понадобилось несколько часов, чтобы я смогла впитать и осознать все, что произошло с человечеством за последние три тысячи лет.

Именно столько времени отделяло знакомый мне мир от 5386 года, в который меня занесло. Да, здесь использовался совсем другой календарь, но, как я поняла, разница была незначительная – в год всего несколько дней.

За прошедшее время человечество успело расселиться по родной галактике и освоить около десятка звездных систем, а также разделиться на два противоборствующих лагеря – Земной Альянс и Конфедерацию Свободных Планет.

В Земной Альянс входили несколько звездных систем, находившихся в непосредственной близости от нашей родной Солнечной системы. По какой-то прихоти то ли Мироздания, то ли Господа бога, во всех этих системах успешно прошло терраформирование, и люди получили новый дом, практически ничего не потеряв и не отдав взамен. Они остались такими же людьми, какими их знала я: никаких суперспособностей или экзотической внешности освоенные миры им не дали. А вот с конфедератами все вышло намного сложнее.

Чем ближе к центру галактики, тем выше уровень радиации – это даже я знала еще из школьного курса астрономии. А чем больше радиации, тем необратимее последствия ее влияния на живой организм.

Так получилось, что многие кислородные планеты с только-только зарождавшейся жизнью были открыты именно там, где такая радиация превышала земную норму. На таких планетах жизнь была еще в стадии бактерий и вирусов, но там в избытке хватало воды и кислорода – главного, что требовалось земным колонистам.

Первые экспедиции тратили десятки и сотни лет, чтобы добраться до этих планет. Улетали в основном те, кому нечего было терять. В самые отдаленные уголки Земля ссылала преступников, как когда-то правительство Англии отправляло в Австралию каторжников. Они везли с собой саженцы и семена, замороженные эмбрионы диких животных и домашнего скота в пробирках, крио-инкубаторы с птичьими яйцами и рыбью икру в специальных контейнерах.

На Земле сменялось несколько поколений, прежде чем такой космический ковчег достигал пункта своего назначения, если достигал. В пути все пассажиры спали в анабиозных камерах, кроме дежурной вахты, но и та менялась каждые два-три года.

Достигнув нового дома, люди начинали его осваивать. И вот тут-то их ждал сюрприз.

Вскоре стало понятно, что без поддержки с Земли невозможно долго сохранить технику в действующем виде. Ни топливо, ни запчасти не были бесконечными, какой бы большой запас не взяли с собой колонисты. Ждать помощи по сто-двести лет было просто бессмысленно.

Приходилось искать альтернативу привычным технологиям. Поселенцы поставили в приоритет сельское хозяйство и натуральный обмен, земные деньги ничего не значили на новых планетах, а вокруг поселений понемногу скапливалась заржавевшая техника, отработавшая свой ресурс.

А потом начались эпидемии.

В тот момент, когда люди вышли из космических кораблей, вдохнули воздух чужой планеты и испили ее воды, они впустили в свой организм миллиарды крошечных существ. Вирусы и бактерии, которые были здесь хозяевами все это время.

Несколько поколений и множество смертей были для человечества платой за возможность жить в новом доме. На каждой планете адаптация проходила по-своему, но нигде она не прошла бесследно.

Связь с дальними колониями прервалась почти на тысячу лет, а когда они снова были открыты, то представители Земного Альянса не нашли там людей в привычном понимании этого слова.

Они нашли там тех, кого теперь называли модификатами. И вселенная вновь разделилась на два враждующих лагеря.

Звездная система Альстерия, родина Эмитьянны, была одним из тех миров, где люди мутировали. Чистокровные земляне презрительно называли горауканцев синими ящерицами за цвет кожи и серебристый узор. А сами конфедераты считали, что это не мутация, а эволюция человеческого генома, и что так называемые «Хомо сапиенс» – на самом деле тупиковая ветвь.

Кстати, насчет конфедератов. Оказалось, что это объединение нескольких звездных систем, населенных модификатами – оппозиция Земному Альянсу. Вот уже две сотни лет они добивались, чтобы Галактический совет признал их мутацию эволюцией, а самим модификатам дал статус отдельной расы. Но

земное правительство яростно противилось этому. Особенно после того, как новые люди основали конфедерацию и решили стать суверенными от Альянса. То есть отказались платить налоги Земному союзу.

Станция "Гермес", на которой я сейчас находилась, была объединенным исследовательским центром, где конфедераты пытались научным путем доказать обоснованность своих претензий. Отец Эмитьянны, Фредерик Дизраелли, был одним из его основателей; мать, Ванесса – генный инженер. Она смогла доказать, что изменения в ДНК горауканцев – ни что иное, как модификация, а вовсе не мутация, и передается она по наследству в неизменном виде – классический трансгенез.

Это были единственные люди, к которым Эмитьянна советовала мне обратиться. Бедная девочка, она никогда и не узнает, что они погибли вместе с ней.

Всю эту информацию я восприняла со стоической выдержкой, правда, мало что понимая. Все-таки мне повезло родиться человеком хладнокровным, с рациональным складом ума, иначе даже не представляю, как бы отреагировала.

Но у меня все еще оставалась куча вопросов.

Что за секрет узнала Эмитьянна? И действительно ли погибла из-за него? Или все же убрать хотели родителей?

А глобальное вторжение – это правда или плод юношеского воображения? Если тут скоро начнется война, я хотела бы знать заранее и успеть смыться в безопасное место!

И кто те загадочные «они»? Секта? Партия? Религиозное движение? Может, «маджестики», о которых упоминал Нурран? Почему они пытались убить Эмитьянну, а не похитить и извлечь информацию из ее… мнемочипа, если уж она так важна?

Если я смогу его активировать, то узнаю намного больше. Но недаром же говорят: многие знания – многие печали. Не будет ли попытка узнать чужие тайны смертельной для меня?

Набравшись впечатлений под завязку, я с облегчением отключила ультравизор и вернулась в суровую реальность, где меня уже ждал безвкусный обед.

Память Эмитьянны оставалась недоступной, лишь иногда бесконтрольно всплывали обрывки воспоминаний. Хаотичные и порой абсолютно бессмысленные, будто кадры из когда-то просмотренного и давно забытого фильма.

Но, немного поразмыслив над ситуацией, я решила, что даже в ней есть свой плюс.

Я нахожусь среди разумных существ, предками которых были люди, а значит ничто человеческое им не чуждо. К тому же на космической станции – перед глазами тут же возник летящий в темноте космоса вытянутый эллипсоид, ощетинившийся сотнями антенн и радаров – то есть в замкнутом пространстве, которое легко охранять. Ее название – имя одного из древнегреческих богов – давало надежду на встречу с соплеменниками, точнее, теперь уже бывшими соплеменниками, ведь в таком виде меня сложно принять за человека.

А еще у сурового следователя такое милое имя Дамиан Левицкий – здесь явно замешаны славянские корни, которые вряд ли могли прорасти где-то еще, кроме матушки-Земли. Так что есть все шансы встретить нормальных человеков. Только как быть с тем, что я сама уже не совсем человек, и с тем, что земляне таких как я считают вторым сортом?

М-да, перспективка хуже некуда.

А у этой Эмитьянны и жених имеется, и папа заместитель посла. Правда, папа уже покойный, а про жениха она даже не упомянула.

А еще ей всего двадцать пять лет – вся жизнь впереди. Точнее, это мне теперь двадцать пять лет, и это у меня вся жизнь впереди.

Сама Судьба дала мне шанс начать все сначала, так почему бы не воспользоваться им?

У меня даже мысли не возникло, что нужно признаться в подмене. Теперь-то я уже не сомневалась, что изображать амнезию было самым правильным решением за всю мою жизнь, и на том свете, и на этом.

Пока я считаюсь дочерью высокопоставленного лица, у меня есть хоть какая-то защита. Если станет известно, что я вселенка – никто не даст и копейки за мою жизнь! Или еще хуже – отправят в лабораторию, чтобы изъять мозг Эмитьянны на опыты. Ведь как ни крути, а тот "экспериментальный образец" апейрона подействовал: астральная телепортация состоялась.

В общем, пока есть возможность, буду лечиться, набираться сил и изучать этот мир. Встречусь с женихом Эмитьянны и ненавязчиво расспрошу о наших (теперь уже наших) отношениях. Пусть все думают, что я потеряла память – это заблуждение мне только на руку и не так уж далеко от истины.

Потянувшись, я поймала себя на том, что довольно улыбаюсь.

"Начинается новый день,

И машины туда-сюда", – возник в голове ненавязчивый мотив старой песни.

Меня охватило ощущение скрытой радости. Оно сдавило мне грудь и пузырьками шампанского пощекотало горло.

Да, для меня начинается "новый день" и новая жизнь!

***

Этой ночью я практически не спала. Все перебирала в памяти прошедшие дни, заново переживая и переосмысливая каждую минуту с того момента, как очнулась. И снова накатило ощущение, что это какой-то нелепый сон, навеянный дешевым голливудским блокбастером. Я все ждала, что вот-вот проснусь у себя в кровати, разбуженная трелью будильника. Но будильник все не звонил, а я по-прежнему лежала привязанная на больничной койке из будущего.

Лишь под утро забылась тревожным сном. Мне приснилась космическая станция – такая, какой я увидела ее в воспоминаниях Тьяны. Огромный эллипсоид, медленно поворачивающийся вокруг своей оси. Летящий в безмолвном пространстве космоса, ощетинившись антеннами и радарами, и ловя звездный свет в фотонные паруса…

Проснувшись, я поняла, что мой футуристический кошмар никуда не делся.

Что ж, иногда обстоятельства бывают сильнее нас. Но это не значит, что я опустила руки. Хотя, нырять в неизвестность тоже не лучший выход.

Новый день прошел незаметно. Я то болтала с дроидом, то бродила по Хранилищу знаний, то изображала наивную дурочку, выслушивая пространные лекции Нуррана, который пару раз заходил проверить показания приборов.

Маша оказалась отличным собеседником. В ее обязанности входило не только судно подносить, но еще и всячески отвлекать пациентов от их проблем. Правда, меня удивило, что за такой большой промежуток времени люди не изобрели андроидов, о которых столько писали фантасты в мое время. Но оказалось, что я ошиблась. Андроиды были, киборги тоже, но использовались для иных целей.

Маша объяснила, что андроиды – это практически люди, только созданные искусственно. Их использовали как носителей мнемочипов умерших людей, если родственники покойного хотели продлить его жизнь в новом теле. А еще как секс-игрушки, как пилотов и разведчиков в глубоком космосе и на дальних планетах, на рудниках, в реакторных отсеках – везде, где существовала опасность для человека.

Киборги же были машинами с развитым самообучающимся электронным мозгом, созданным по принципу человеческого. Многие из них ничем не напоминали людей, так что идея создать Терминатора в будущем не прижилась. Но все эти киборги и андроиды имели то, чего не было у технических дроидов – они обладали искусственным интеллектом.

Именно от Маши я узнала, что такое ботмобиль, в котором погибли родители Эмитьянны. Оказалось, это транспортные капсулы, которые используются внутри станции для перевозки людей и грузов. Они могут быть одноместные, двухместные, рассчитанные на большее количество человек и грузовые.

Но любым ботмобилем управляет искин – искусственный интеллект. Человеческий фактор практически исключен, не считая тех случаев, когда пассажиры сами переходят на ручное управление. Поэтому этот вид транспорта считался одним из самых безопасных, а уж ботмобиль заместителя посла – и подавно. Но кому-то удалось его повредить.

Я даже не сомневалась: такой вопиющий случай будут расследовать особенно тщательно, и мне еще не раз предстоит давать показания, которых у меня нет.

***

Вечером, как раз, когда я уже нацелилась на свой ужин, раздался звук зуммера, и над входным люком вспыхнул голубой огонек.

– Лирра Дизраелли, к вам гость, – произнёс незнакомый мужской голос, источником которого оказалась небольшая коробочка, висевшая на стене рядом с изголовьем. Она напоминала привычный домофон, оснащенный экраном. Сейчас экран был матово-серым, но это не помешало говорившему спросить меня:

– Вы готовы его принять?

– Кто это? – я поймала себя на том, что нервно комкаю край покрывала. Лоб покрылся испариной.

– Адъютант командора станции. Вы примете его?

– А кто со мной говорит?

– Баррес Эльян, – назвался незнакомец, – ваша охрана, лирра.

– И от кого меня охраняют? – поинтересовалась, не скрывая удивления. Нурран ни разу не обмолвился, что у меня есть охрана.

– Приказ командора. И следственный комитет считает, что так безопаснее, – уклонился охранник от прямого ответа.

Вот, значит, как? Там целый следственный комитет, а не один следователь.

– Так вы примете гостя? Мы проверили, он чист.

Не сдержавшись, я фыркнула.

Всегда раздражало это выражение. «Он чист»! Его что, помыться заставили? А до этого он был грязным?

Помнится, Эмитьянна просила никому не доверять, а командор в своем разговоре с врачом упоминал, что следователь ему не подчиняется. Не знаю почему, но к Нуррану и командору я испытывала доброжелательность, а вот этот охранник и следователь, которого я вообще смутно помнила, вызывали раздражение.

Но интересно, зачем командор – это типа здесь самый главный? – послал ко мне своего адьютанта? Может, стоит встретиться и спросить?

– Я согласна. Только дайте мне поесть спокойно.

– Так точно, лирра, – бодро отрапортовал лейр Эльян и отключился.

В динамике раздался щелчок, будто рацию выключили. Хотя, почему "будто"? Может, внутри станции как раз и пользуются старым проверенным GPRS или чем-то подобным.

Я подозвала дроида, безмолвно замершего в углу, и ткнула пальцем в "домофон".

– Это что за штука и как ею пользоваться?

– Стационарный интерком с функцией фоносвязи. Если желаете, могу зачитать подробную инструкцию.

– Нет, спасибо. Просто скажи, как его включить и выключить.

– Для ручного управления есть две кнопки с правой стороны. Зеленая – включить, красная – выключить, – начал дроид бесцветным механическим голосом.

– Интересно, и как я должна это сделать, если встать не могу?

– Для невербального управления произнесите команду четким голосом: "Гермес, включить интерком, включить изображение".

Эта консервная банка даже не сбилась, когда я влезла со своим вопросом. М-дя, техника на грани фантастики.

Передо мной на подносе уже стояла тарелка с желтоватым пюре, от которого поднимался легкий парок. На этот раз еда обещалась быть аппетитнее: поняв, что ничего другого, кроме невнятной кашицы мне не дадут, я попросила добавлять в блюда побольше специй. Ну вот, сейчас и попробуем.

Разочарование было вполне ожидаемым. Даже соль, перец и куча незнакомых пахучих трав не сделали эту гадость вкуснее.

Вытерев губы, поправив шапочку на голове и скрестив наудачу пальцы, я приказала интеркому включить голосовую связь.

– Лейр Эльян?

– Да, лирра.

Охранник отозвался так быстро, как будто только и ждал, когда я его позову.

– Мой гость еще не ушел?

– Нет, лирра. Я могу его впустить?

– Впускайте…

Я откинулась на подушки и изобразила на лице вселенскую скорбь. В конце концов, у Эмитьянны погибли родители, было бы странно, если бы гость увидел меня бодрой и полной сил. А все-таки странно, зачем командор прислал адъютанта, вряд ли узнать о моем здоровье.

Глава 6

Когда открылся люк, я увидела стоявшую с той стороны входа узкую кушетку и мужчину в черном комбинезоне. Он был почти полной копией следователя, только чуть моложе. Та же кирпичного цвета кожа, те же белые волосы, подстриженные коротким ежиком.

Заметив, что я смотрю на него, он вскочил и сделал странный жест правой рукой: на секунду коснулся двумя пальцами правого виска, затем левого плеча и отрывисто кивнул.

Память подсказала, что это обычное приветствие у военных.

– Лирра Дизраелли, – он шагнул в палату, и люк автоматически закрылся за его спиной, – позвольте представиться. Адъютант командора станции Дейн Старден.

– Это я уже поняла, – проворчала, сверля его настороженным взглядом. – Какими судьбами?

Молодой человек уставился на меня, явно не понимая смысла последней фразы.

– Простите?

– Я просто хотела узнать, что вас сюда привело.

– Лирра, нам всем очень жаль, что ваши родители погибли на территории станции, – на его лице мелькнуло виноватое выражение. – Есть подозрения, что это был террористический акт, но пока ни одна из известных группировок не

взяла на себя ответственность за произошедшее.

Я скептично хмыкнула. Столько веков прошло, а в мире ничего не изменилось. По-прежнему воюют власть и оппозиция, да еще и террористы отыгрывают неуловимых мстителей.

Старден стоял почти вплотную к кровати, нависая надо мной, и от этого я чувствовала себя беспокойно.

– Пожалуйста, присядьте, – я указала ему на металлический стул с блестящими хромированными ножками, изогнутыми под фантастическим углом.

Адъютант поднес это творение дизайнерского беспредела ближе к кровати, уселся на него, широко расставив ноги в высоких ботинках, и произнес:

– Командор Сагира передает вам соболезнования от лица всего личного состава "Гермеса" и берет на себя все расходы по погребению. Он обещает, что виновные обязательно будут найдены и наказаны.

Да неужели?!

Очень хочется верить, но опыт прошлой жизни подсказывает, что если по горячим следам никого не нашли, то вряд ли уже найдут. И мне как бы дела нет до их политических и прочих проблем, если бы не одно «но». Причем, очень веское «но»!

Вполне вероятно, что именно я теперь цель террористов.

Конечно, есть шанс, что они все-таки охотились за отцом Тьяны или матерью… Но чуйка подсказывает, что вряд ли мне так повезет.

Жаль, что я никому не могу высказать свои домыслы…

– Сейчас на высшем уровне решается вопрос об отправке вас на Гораукан…

Последняя фраза заставила меня облиться холодным потом.

– Нет!

Только не это!

Я инстинктивно дернулась на кровати, позабыв о привязанных ногах. Голени пронзила судорога, пальцы ног болезненно сжались.

– Вам плохо? Вызвать врача? – засуетился Старден, подскакивая.

– Нет, все нормально, – пару раз глубоко вдохнула.

Сердце колотилось? как сумасшедшее. Но мышечные спазмы медленно отступили, оставляя после себя тупую тянущую боль.

Немного отдышавшись, пояснила:

– Передайте командору, что я хочу остаться на станции. Кстати, вам сообщили, что у меня полная амнезия?

– Да, лирра. Именно поэтому ваш жених настаивает на возвращении. Он считает, что родная планета и привычные вещи помогут восстановить память.

Ну вот, опять этот жених. Какой заботливый! Что-то он мне уже поперек горла. Родителей нет, значит, теперь он единственный, кто может заподозрить подмену. И ведь неизвестно, насколько близкие отношения у них были… И если вообще какие-то были. Странно, что Тьяна не упомянула о нем в своем завещании. Может, потому что он не входит в число «доверенных лиц»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/uglickaya_alina/zemlyanka-dlya-zvezdnogo-princa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити